

Шиповская Виктория Владимировна

кандидат психологических наук, докторант
Кубанского государственного университета,
доцент кафедры педагогики и психологии
Краснодарского муниципального медицинского
института высшего сестринского образования

Гусейнов Александр Шамильевич

доктор психологических наук,
доцент кафедры психологии
Кубанского государственного университета
физической культуры, спорта и туризма

ЛИЧНОСТНАЯ БЕСПОМОЩНОСТЬ КАК ФАКТОР ВИКТИМИЗАЦИИ СУБЪЕКТА [1]

Аннотация:

Статья посвящена личностной беспомощности как ключевому фактору, способствующему процессу виктимизации субъекта. Феномен беспомощности анализируется с позиций субъектно-бытийного подхода, что подразумевает рассмотрение его экзистенциальных оснований. Изучены признаки феномена беспомощности – равнодушие, бездеятельность, депрессивность, боязнь трудностей и испытаний в сочетании с конформизмом и пессимистическим стилем атрибуции, препятствующие творческому самоосуществлению в мире. Приводятся результаты эмпирического исследования. Выборка включала представителей российской молодежи (N = 70). Респондентам предлагался тестовый инструментарий: авторский опросник «Личностная беспомощность», опросник временной перспективы, опросник, диагностирующий субъект-объектные отношения, опросник базисных убеждений личности, тест жизнестойкости. Обосновано и доказано, что высокий уровень беспомощности, негативная временная перспектива, неприятие личностного нарратива, неспособность к творческому самоосуществлению в мире, низкий уровень жизнестойкости, ощущение утраты влияния на повседневные события превращают личность в пассивный объект внешних воздействий и способствуют виктимизации субъекта.

Ключевые слова:

личностная беспомощность, манипулятивный модус бытия, нарушенное самоопределение, низкая жизнестойкость, виктимизация субъекта.

Shipovskaya Viktoria Vladimirovna

PhD in Psychology, Doctoral student,
Kuban State University, Associate Professor,
Education Science and Psychology Department,
Krasnodar Municipal Medical Institute of
Higher Nursing Education

Guseinov Aleksandr Shamilyevich

D.Phil. in Psychology, Associate Professor,
Psychology Department,
Kuban State University of
Physical Education, Sport and Tourism

PERSONAL HELPLESSNESS AS A FACTOR IN VICTIMIZATION OF AN ACTOR [1]

Summary:

The study reviews personal helplessness as a key factor in victimization of an actor. The phenomenon of helplessness is analyzed from the perspective of the subjective existential approach that implies the consideration of its existential reasons. The research examines the indicators of helplessness such as indifference, inactivity, depressiveness, fear of difficulties and challenges in conjunction with conformism and pessimistic style of attribution impeding the creative self-fulfillment. The paper shows the empirical findings. The sample included Russian young people (N = 70). Respondents were offered to complete the questionnaires revealing their personal helplessness (the original test), time perspective, subject-object relations, basic beliefs of the personality and hardiness test. The authors prove that high helplessness, negative time perspective, failure of personal narrative, unsuccessful creative self-fulfillment, low hardiness, loss of influence on daily events make the personality passive and contribute to victimization of an actor.

Keywords:

personal helplessness, manipulative mode of being, disturbed self-determination, low hardiness, victimization of an actor.

Несмотря на то что исследователи выделяют принципиально новые области применения психологических знаний, которые появятся в следующем десятилетии, такие как психологическое изучение климатических изменений, технофобий, ксенопсихология и психология взаимоотношений с киборгами [2], сегодня по-прежнему актуальны проблемы повышенной виктимности российского общества, психологическое состояние которого трудно назвать благополучным [3]. С точки зрения А.Г. Асмолова и М.С. Гусельцевой, следы виктимности (превращение личности в жертву), травматических симптомов «несет в своей душе едва ли не каждый наш современник» [4, с. 19].

В пространстве повседневности процесс виктимизации, оформляясь в результате взаимодействия микро- и макросоциальных детерминант (аномии, травмирующих реформ, негативной социализации) и внутренних факторов – беспомощности, безнадежности, отчуждения, создает условия для превращения личности в жертву (буллинга, тоталитарных сект), увеличивает личностную

уязвимость в плане возможности попадания под воздействие интолерантных идей и искаженных ценностей [5]. В связи с этим исследование ключевых факторов, делающих неустойчивой субъектную позицию, позволит прояснить условия, при которых создаются причины для виктимизации.

Субъектно-бытийная методология, где личность рассматривается в соотнесенности с модусами ее бытия [6], дает возможность рассмотреть процесс виктимизации в онтологическом аспекте, акцентируя внимание на экзистенциальных основаниях феномена. Следовательно, мы можем отследить, каким образом субъект, подверженный виктимизации, оформляет различные бытийные пространства и выстраивает свое индивидуальное бытие.

Необходимо отметить, что феномен виктимности многогранен и вариативен, проявляясь во многих аспектах личного бытия. Людей с тяжелой формой виктимности, преувеличенно переживающих несправедливость жизни, акцентирующих внимание только на ее непривлекательных, темных сторонах, подобное пессимистическое отношение к миру приводит к апатии и саморазрушению.

В связи с доминированием социально-деструктивных процессов в социальной трансформации российского общества, обуславливающих ценностно-смысловую дезориентацию и массовую неудовлетворенность жизнью [7], расширяется спектр виктимологических ситуаций. Травмирующие перемены охватывают практически все сферы общественного устройства и повседневную жизнь граждан [8].

Российские психологи, вычисляя «композитный индекс» макропсихологического состояния общества из ряда статистических показателей (количества самоубийств, психических заболеваний, убийств и др.), выявили три взаимодополняющих механизма влияния происходящего в обществе на психологическое самочувствие и социальное настроение его граждан. Первый механизм оказывает непосредственное влияние на психологическое состояние человека, когда он сам становится жертвой реформ, экономических преступлений, криминала. Второй механизм выстраивается иначе, воздействуя на психологическое состояние через ожидания. В условиях высокой вероятности социальных рисков человек, даже не соприкасаясь с криминалом и негативными последствиями реформ, начинает жить в постоянном страхе, тревоге, подрывающих уверенность в завтрашнем дне и личной безопасности. Третий механизм, способствующий виктимизации субъекта, запускается сильными переживаниями, связанными с распространением криминала, коррупции, детской проституции, а также наблюдаемой в обществе несправедливости [9]. Следовательно, в условиях кардинальных и непредсказуемых общественных изменений субъект, травмированный хаосом, может испытывать не только шок будущего (по Э. Тоффлеру), но также шок от прошлого и настоящего. И этот страх за свое бытие во враждебном мире и сопутствующие ему негативные переживания держат субъекта в постоянном психологическом напряжении и создают благодатную почву для виктимности.

Между тем, хотя множество людей подвергаются воздействию тех же культурно-исторических обстоятельств и негативных факторов, вызывающих социально-культурную травму, не все из них становятся виктимными и превращаются в жертву, утрачивая личное достоинство. Проведенные психологические исследования показывают, что интерпретацию событий формируют убеждения и ценности [10]. В связи с этим актуальным становится вопрос о формировании бытия личности. Если человек в условиях постоянного изменения условий и ситуаций обладает инициативой, способен совершать выбор в противоречивой повседневности, ощущая себя творческой силой, стремится к самосовершенствованию, то он преодолевает тревогу, страх и ограничительные условия повседневности [11]. Личностными ресурсами жизнеспособности личности становятся также протяженность и связность временной перспективы, расширение временного горизонта, в котором происходит осмысление событий [12].

Пассивность, страх перед неизвестностью и нежелание перемен, непонимание специфики своего индивидуального бытия в конкретном историческом контексте, фиксация на барьерах и неудачах губительно сказываются на личности, формируют и поддерживают паттерн жертвы. На личностном уровне негативное отношение к своему прошлому, примитивизация мышления [13] провоцируют кризис идентификации, появление страхов, ксенофобии и аномии [14, с. 303]. Утрачивается сама возможность реализовать свой личностный масштаб, и, более того, блокируется интенция к творческому и свободному самоосуществлению себя в мире.

Одним из ключевых психологических феноменов, которые могут раскрыть деструктивный потенциал виктимности, является феномен беспомощности. Исследования, выполненные в рамках субъектно-бытийного подхода, показывают, что личностная беспомощность, основанная на негативном прогнозировании собственной субъектной активности в различных ситуациях повседневности, в том числе усложненных, сильно снижает индивидуальный ресурс сопротивления сложным обстоятельствам. Дано представление о беспомощности как о многокомпонентном феномене, затрагивающем многие личностные структуры, значительно ограничивающем возможности человека в осмыслении и преодолении сложных ситуаций [15]. Как показывают зарубеж-

ные исследования, лица с беспомощностью характеризуются следующим сочетанием черт: равнодушием, бездеятельностью, депрессивностью, боязнью трудностей и испытаний в сочетании с конформизмом и пессимистическим стилем атрибуции [16].

В спектр характеристик, обуславливающих проявления беспомощности, исследователями также включается неразрешенный конфликт невротических наклонностей, в частности невозможность разрешить противоречие между предполагаемой свободой и ее фактическими ограничениями [17], фрустрация экзистенциальных потребностей [18], неконтролируемость жизни [19], бездуховность и негативный прогноз собственной активности в ситуации, оцениваемой как безвариантная и неподконтрольная [20], утрата смысла и чувство неаутентичности своего бытия [21], нарушенное развитие личностной автономии и самоопределения [22], превращение субъекта в объект [23].

Противодействие любому виду насилия предполагает устойчивую субъектную позицию и доверие к ней, следование нравственным принципам, духовную работу, позволяющую проблематизировать и разрешить сложную ситуацию. При предпочтении беспомощного модуса бытия личности поддержание устойчивого и целостного образа «я» становится невозможным, более того, вследствие сильной зависимости этот образ подвергается диффузии, становится искаженным, вплоть до ненависти к себе. Разрушительные, виктимные последствия беспомощности могут быть разными: от покорной мягкосердечности, несамостоятельности, робости, психологической закрытости, неумении отстаивать себя и помогать другим до сверхзависимости и блокировки фактически всей психической активности, угрожающей психологическому и физическому выживанию. «Каждый раз, когда мы играем в беспомощного, мы создаем зависимость, играем в зависимость. Другими словами, мы делаем себя рабами», – пишет Ф. Перлз [24, с. 41], фиксируя существенный аспект феномена. С точки зрения Э. Фромма, человек, используя себя или других в качестве инструментального средства, перестает быть свободным, становится объектом, вещью [25]. Такая неаутентичная жизненная установка, превращающая личность в *пассивный объект внешних воздействий*, указывает на предпочтение манипулятивного стиля жизни, который соотносится с экстремальным модусом бытия и фактически служит самооправданием виктимности.

Важно отметить, что беспомощность нередко становится предиктором изменения моральных ориентиров и пусковым механизмом асоциальных действий и бесчеловечных поступков. В нашем предшествующем исследовании, проведенном в 2016–2017 гг., был выявлен ряд парадоксов и противоречий, характерных для подростков с высоким уровнем беспомощности: «наличие жизненных целей и обесценивание собственного будущего; высокий уровень личностной активности, придающий жизни смысл, основан на эгоистической мотивации и сочетается со стремлением к внешнему успеху, формальной самореализации». Доказано, что взаимоисключающие установки и жизненные цели, приземленное отношение к миру, выбор манипуляции и агрессии как защитных копинг-стратегий порождают трудноразрешимые ценностно-смысловые противоречия и нарушенное самоопределение, влияют на процесс зарождения экстремистских установок и обуславливают тягу к криминогенному окружению [26].

Наши данные указывают на то, что в подобных объединениях субъект через радикальные решения и действия пытается снять испытанные в прошлом противоречия, преодолеть беспомощность, пессимизм и несостоявшуюся самореализацию, оформить новую идентичность и тем самым достичь психологического комфорта. Однако вовлеченность в деструктивные молодежные движения, где культивируются манипулятивные способы воздействия, требующие самопожертвования ради ложных идеалов и экстраординарных поступков, вплоть до открытых форм насилия по отношению к лицам, не разделяющим их идеологию, быстро приводит к виктимизации субъекта, который перестает восприниматься как личность и в итоге сам становится жертвой манипуляций и искаженной, дегуманизированной системы ценностей.

Данное эмпирическое исследование было проведено в 2018 г. с целью изучения психологических механизмов, лежащих в основе процесса виктимизации личности, способных превратить субъекта в жертву различных радикальных идеологий. Мы предположили, что несбалансированная временная перспектива, отсутствие долгосрочных целей, ощущение собственной неуспешности в сочетании с низкой степенью управляемости жизни и искаженной (формальной) самореализацией могут провоцировать процесс виктимизации личности и ее поворот к деструктивной активности. В качестве ключевого маркера виктимности (возможности стать жертвой радикальных идеологий) выступил показатель беспомощности опросника В.В. Шиповской. В выборку вошли представители российской молодежи (N = 70), проживающие в Краснодарском крае (M = 22,6 года). В процессе исследования решались задачи выявления уровня личностной беспомощности; особенностей временного горизонта, субъект-объектных ориентаций, базисных убеждений и тенденций самоосуществления в мире у молодых людей с высоким уровнем беспомощности. Использован следующий тестовый инструментарий: авторский опросник «Личностная беспомощность» (В.В. Шиповской); опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI); опросник, диагностирующий субъект-объектные отношения (COO), Е.Ю. Коржовой; опросник базисных

убеждений личности Р. Янов-Бульман (в адаптации М.А. Падун, А.В. Котельниковой). Статистическая обработка результатов проводилась с помощью непараметрического корреляционного анализа по Ч. Спирмену.

В оценке риска виктимизации личности были выявлены отрицательные связи беспомощности со шкалой «Трансситуационное освоение мира» ($r = -0,421$; $p < 0,01$) Е.Ю. Коржовой, что говорит об отсутствии стремления к самосовершенствованию, выбору самоосуществления во внешнем мире [27].

Огромное значение для молодого человека имеют ощущение успешности в разных сферах жизнедеятельности и контроль над жизнью. Обнаруженные отрицательные связи беспомощности со шкалами «Удача» ($r = -0,283$; $p < 0,05$) и «Убежденность в контроле» ($r = -0,293$; $p < 0,05$) опросника базисных убеждений личности Р. Янов-Бульман свидетельствуют об ощущении утраты влияния на повседневные события и собственной неуспешности.

Значимость принятия и положительной оценки прошлого, настоящего и будущего для поддержания позитивной идентичности личности подтверждена многими исследованиями [28]. Для противодействия манипулятивным воздействиям и усиления жизнеспособности личности большое значение имеет позитивность временной перспективы [29]. Выявленная положительная связь беспомощности с фактором восприятия негативного прошлого ($r = 0,460$; $p < 0,01$) говорит о негативном отношении к собственному прошлому, которое вызывает у молодых людей лишь душевную боль и разочарование. Подтверждает эти данные отрицательная связь беспомощности с фактором восприятия позитивного прошлого ($r = -0,296$; $p < 0,05$), которая свидетельствует о непринятии собственного опыта, неспособности его осмыслить и использовать для духовного развития. Прямая связь беспомощности с фактором восприятия фаталистического настоящего ($r = 0,450$; $p < 0,01$) выражает неконтролируемость жизни и путь пассивного подчинения обстоятельствам, подчиненность судьбе.

В качестве дополнения к исследованию сделан пилотаж на малой выборке ($N = 10$), который также показал значимые отрицательные связи показателя беспомощности со всеми шкалами теста жизнестойкости С. Мадди: вовлеченность ($r = -0,786$; $p < 0,05$), контроль ($r = -0,857$; $p < 0,01$), жизнестойкость ($r = -0,883$; $p < 0,01$). Низкая жизнестойкость у лиц с высокой степенью беспомощности демонстрирует, что молодые люди не видят себя субъектами своей жизни и не готовы самостоятельно конструировать личностное бытие.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы.

1. Беспомощность является ключевым триггером виктимизации субъекта в условиях неустойчивости социальных систем, превращая личность в пассивный объект внешних воздействий.

2. Разорванность и нереалистичность временного горизонта в сочетании с девальвацией ценности прошлого и настоящего приводит к пессимизму, распылению и непринятию личностного нарратива (личной истории), препятствует эффективному совладанию с повседневными трудностями, поддержанию положительной самооценки и социальной интеграции.

3. Ощущение предопределенности событий, неспособность влиять на свою судьбу и интерпретация жизни как неуспешной и непоправимо испорченной поддерживают личностную беспомощность.

4. Отсутствие стремления к самосовершенствованию и неспособность к творческому самоосуществлению в мире свидетельствуют об отказе от экзистенциального самоопределения и являются риском формирования дегуманизированной системы ценностей.

5. Сниженный ресурс сопротивления негативным воздействиям, экзистенциальный выбор пассивного подчинения обстоятельствам создают условия для манипуляций сознанием молодых людей и увеличивают личностную уязвимость в плане возможности попадания под воздействие интолерантных идей и искаженных ценностей.

Таким образом, глубинными причинами беспомощности, обуславливающей виктимизацию субъекта, являются полная зависимость человека от непредсказуемых событий, «страдательная» жизненная позиция, дегуманизированная самоактуализация, неуспешность процесса самоопределения личности в макросоциальных координатах и манипулятивный модус бытия, не позволяющие личности реализовать свои экзистенциальные возможности и быть автором своей жизни.

Ссылки и примечания:

1. Исследование поддержано фондом РФФИ в форме гранта № 18-413-23002\18.
2. Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Юревич А.В. Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 5. С. 45–64.
3. Юревич А.В. Методология количественной оценки психологического состояния современного российского общества // Методология и история психологии. 2018. Вып. 1. С. 155–173. <https://doi.org/10.7868/s1819265318010090>.
4. Асмолов А.Г., Гусельцева М.С. Психология как ремесло социальных изменений: технологии гуманизации и дегуманизации в обществе // Мир психологии. 2016. № 4 (88). С. 14–28.

5. Феномен протестной активности личности: субъектно-бытийная интерпретация / А.Ш. Гусейнов, З.И. Рябикина, Г.Ю. Фоменко, В.В. Шиповская // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14, № 4. С. 78–96. <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.4>.
6. Рябикина З.И. Субъектно-бытийный подход к пониманию личности: содержание и теоретико-методологические основания // Знаков В.В., Рябикина З.И. Психология человеческого бытия. М., 2017. С. 195–315; Фоменко Г.Ю. Модусы бытия личности в контексте субъектно-бытийного подхода // Психология субъекта и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар, 2010. С. 158–174; Шиповская В.В., Фоменко Г.Ю. Флуктуации субъектности в контексте преодолевающей активности личности // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности: материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлев. М., 2018. С. 1764–1771.
7. Юревич А.В. Указ. соч.; Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П. Количественная оценка макропсихологического состояния современного российского общества [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2009. № 2 (4). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n2-4/20-yurevich4.html> (дата обращения: 20.09.2018).
8. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: курс лекций для студентов магистратуры социологии. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2009. 138 с.
9. Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П. Указ. соч.
10. Феномен протестной активности личности ...; Шиповская В.В. Беспомощность как фактор формирования экстремистских установок в подростковой среде // Казанский педагогический журнал. 2017. № 5 (124). С. 125–132; Шиповская В.В., Фоменко Г.Ю. Указ. соч.; Ядов В.А. Указ. соч.
11. Коржова Е.Ю. Психология жизненных ориентаций человека. СПб., 2006. 383 с.
12. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. М., 2018. 402 с.
13. Назаретян А.П. О героизме, терроризме и социальном насилии: заметки политического психолога // Вопросы психологии. 2017. № 6. С. 3–18.
14. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Указ. соч. С. 303.
15. Шиповская В.В. Указ. соч.; Шиповская В.В., Фоменко Г.Ю. Указ. соч.
16. Chang E.C., Sanna L.J. Affectivity and Psychological Adjustment across Two Adult Generations: Does Pessimistic Explanatory Style Still Matter? // Personality and Individual Differences. 2007. Vol. 43, iss. 5. P. 1149–1159. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2007.03.007>; Ciesla J.A., Roberts J.E. Rumination, Negative Cognition, and Their Interactive Effects on Depressed Mood // Emotion. 2007. Vol. 7, iss. 3. P. 555–565. <https://doi.org/10.1037/1528-3542.7.3.555>; Cognitive Vulnerabilities and Depression Versus Other Psychopathology Symptoms and Diagnoses in Early Adolescence / L.B. Alloy, S.K. Black, M.E. Young, K.E. Goldstein, B.G. Shapero, J.P. Stange, et al. // Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology. 2012. Vol. 41, iss. 5. P. 539–560. <https://doi.org/10.1080/15374416.2012.703123>.
17. Хорни К. Наши внутренние конфликты: конструктивная теория невроза. 2-е изд. М., 2008. 218 с.
18. Феномен протестной активности личности ...; Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2011. 284 с.
19. Henry P.S. Life Stress, Explanatory Style, Hopelessness, and Occupation Stress // International Journal of Stress Management. 2005. Vol. 12, iss. 3. P. 241–256. <https://doi.org/10.1037/1072-5245.12.3.241>; Rueger S.Y., Malecki C.K. Effects of Stress, Attributional Style and Perceived Parental Support on Depressive Symptoms in Early Adolescence: A Prospective Analysis // Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology. 2011. Vol. 40, iss. 3. P. 347–359. <https://doi.org/10.1080/15374416.2011.563461>.
20. Шиповская В.В., Фоменко Г.Ю. Указ. соч.
21. Бьюдженталь Д. Наука быть живым: диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической психотерапии. М., 2007. 336 с.
22. Феномен протестной активности личности ...; Харламенкова Н.Е., Кумыкова Е.В., Рубченко А.К. Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы. М., 2015. 367 с.
23. Шиповская В.В. Указ. соч.
24. Перлз Ф. Гештальт-семинары. М., 2010. 350 с.
25. Фромм Э. Указ. соч.
26. Шиповская В.В. Указ. соч.
27. Коржова Е.Ю. Указ. соч.
28. Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Юревич А.В. Указ. соч.; Назаретян А.П. Указ. соч.; Фоменко Г.Ю. Указ. соч.
29. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Указ. соч.

References:

- Alloy, LB, Black, SK, Young, ME, Goldstein, KE, Shapero, BG & Stange, JP (et al.) 2012, 'Cognitive Vulnerabilities and Depression Versus Other Psychopathology Symptoms and Diagnoses in Early Adolescence', *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, vol. 41, iss. 5, pp. 539-560. <https://doi.org/10.1080/15374416.2012.703123>.
- Asmolov, AG & Guseltseva, MS 2016, 'Psychology as a Craft of Social Change: Humanization and Dehumanization Technology in Society', *Mir psikhologii*, no. 4 (88), pp. 14-28, (in Russian).
- Bugental, D 2007, *The Search for Existential Identity: Patient-Therapist Dialogues in Humanistic Psychotherapy*, Moscow, 336 p., (in Russian).
- Chang, EC & Sanna, LJ 2007, 'Affectivity and Psychological Adjustment across Two Adult Generations: Does Pessimistic Explanatory Style Still Matter?', *Personality and Individual Differences*, vol. 43, iss. 5, pp. 1149-1159. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2007.03.007>
- Ciesla, JA & Roberts, JE 2007, 'Rumination, Negative Cognition, and Their Interactive Effects on Depressed Mood', *Emotion*, vol. 7, iss. 3, pp. 555-565. <https://doi.org/10.1037/1528-3542.7.3.555>
- Fomenko, GYu 2010, 'The Types of Being of the Personality in the Context of the Subjective Existential Approach', in VV Znakov, ZI, Ryabikina & EA Sergienko (eds.), *Psikhologiya sub'yekta i psikhologiya chelovecheskogo bytiya*, Krasnodar, pp. 158-174, (in Russian).
- Fromm, E 2011, *Escape from Freedom*, Moscow, 284 p., (in Russian).
- Guseinov, ASH, Ryabikina, ZI, Fomenko, GYu & Shipovskaya, VV 2017, 'The Phenomenon of Protest Activity: A Subjective-Existential Interpretation', *Russian Psychological Journal*, vol. 14, no. 4, pp. 78-96. <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.4>.
- Henry, PS 2005, 'Life Stress, Explanatory Style, Hopelessness, and Occupation Stress', *International Journal of Stress Management*, vol. 12, iss. 3, pp. 241-256. <https://doi.org/10.1037/1072-5245.12.3.241>
- Horney, K 2008, *Our Inner Conflicts: A Constructive Theory of Neurosis*, 2nd ed., Moscow, 218 p., (in Russian).

- Khartamenkova, NE, Kumyikova, EV & Rubchenko, AK 2015, *Psychological Separation: Approaches, Problems, Mechanisms*, Moscow, 367 p., (in Russian).
- Korzhova, EYu 2006, *Psychology of Life Attitudes of a Person*, St. Petersburg, 383 p., (in Russian).
- Nazaretyan, AP 2017, 'On Heroism, Terrorism and Social Violence: Notes of a Political Psychologist', *Voprosy psikhologii*, no. 6, pp. 3-18, (in Russian).
- Nestik, TA & Zhuravlev, AL 2018, *Psychology of Global Risks*, Moscow, p. 303, (in Russian).
- Perls, F 2010, *Gestalt Therapy Verbatim*, Moscow, 350 p., (in Russian).
- Rueger, SY & Malecki, CK 2011, 'Effects of Stress, Attributional Style and Perceived Parental Support on Depressive Symptoms in Early Adolescence: A Prospective Analysis', *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, vol. 40, iss. 3, pp. 347-359. <https://doi.org/10.1080/15374416.2011.563461>.
- Ryabikina, ZI 2017, 'Subjective Existential Approach to the Understanding of Personality: Content, Theoretical and Methodological Grounds', in VV Znakov & ZI Ryabikina, *Psikhologiya chelovecheskogo bytiya*, Moscow, pp. 195-315, (in Russian).
- Shipovskaya, VV 2017, 'Helplessness as a Factor in the Development of Extremist Attitudes among Adolescents', *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*, no. 5 (124), pp. 125-132, (in Russian).
- Shipovskaya, VV & Fomenko, GYu 2018, 'Fluctuations of Subjectivity in the Context of Overcoming Personality Activity', in VV Znakov & AL Zhuravlev (eds.), *Psikhologiya cheloveka kak sub'yekta poznaniya, obshcheniya i deyatelnosti: materialy Vseros. nauch. konf.*, Moscow, pp. 1764-1771, (in Russian).
- Yadov, VA 2009, *Modern Theoretical Sociology as a Conceptual Base for the Study of Russian Transformations: a Course of Lectures for Students Majoring in Sociology*, 2nd ed., St. Petersburg, 138 p., (in Russian).
- Yurevich, AV 2018, 'The Quantitative Estimation Methodology of Modern Russian Society's Psychological State', *Methodology and History of Psychology*, iss. 1, pp. 155-173. <https://doi.org/10.7868/s1819265318010090>.
- Yurevich, AV, Ushakov DV & Tsapenko, IP 2009, 'Quantitative Assessment of the Macropsychological State of Modern Russian Society', *Psikhologicheskiye issledovaniya*, no. 2 (4), viewed 20 September 2018, <<http://psystudy.ru/index.php/num/2009n2-4/20-yurevich4.html>>, (in Russian).
- Zhuravlev, AL, Nestik, TA & Yurevich, AV 2016, 'Forecast of Psychological Science and Practice Development by 2030', *Psikhologicheskiy zhurnal*, vol. 37, no. 5, pp. 45-64, (in Russian).